

РОССИЯ И ЗАПАД: ОПЫТ СРАВНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО УСТРОЕНИЯ*

Аннотация. В статье на обширном фактологическом материале, руководствуясь реалиями, автор демонстрирует несовпадение технологий социального устройства в таких ареалах цивилизации, как Запад и Россия. Суммируя аргументы, возможно прийти к заключению: репером культивации общественных процессов в Европе выступает консенсуальность и толерантность завязанных на отработанные регламенты заявления и проведения легальной народной воли; противоположность этому в России имеют место патримониальность, патриархальный тип властвования, детерминируемый волюнтарным, демократически неконсолидированным способом отправления власти (принятия и проведения граждански значимых решений).

Ключевые слова: Россия, цивилизация, Запад, демократия, авторитаризм, консенсуальность.

G. Hazieva

RUSSIA AND EUROPE: COMPARISON EXPERIENCE OF SOCIAL ORGANIZATION TECHNOLOGY

Abstract. In the article on extensive factological material, being guided by realities, the author shows discrepancy of social organization technologies in such areas of civilization as Europe and Russia. Summarizing the arguments, it is possible to come to conclusion that as a reference point of cultivation of public processes in Europe acts the consensuality and tolerance fastened on the fulfilled regulations of the statement and carrying out of legal national will; contrast to it in Russia patrimoniality takes place, patriarchal type of rule, determined by voluntaristic, democratic unconsolidated way of power departure (acceptance and carrying out civil significant decisions).

Key words: Russia, the civilization, the Europe, democracy, authoritarianism, consensual.

В сопоставлении с Западом, для величайшей работы мира, для созидания жизненного могущества России не хватает политической уравновешенности, гражданской правооснащенности, управленческой реалистичности. Блок волюнтарных импровизаций социальной педали с правовым нигилизмом, идейным миссионизмом, мифологизмом дает неудобноносимое бремя некумулятивного импульсивного развития.

Здоровый консерватизм Запада с его изошренными институциональными сдержками и противовесами, отработанными механизмами конституирования ответственных решений, задавая высокую степень сопротивляемости бесцеремонной крутости вседержительной воли, обеспечивает подчинение всех и каждого единоличной силе, утверждает солидарность, открывает обществу широкую возможность человеческого сотрудничества. «Сильных изгоняют не силою, а тем, что делаются известными дела их», – назидает Иов [3]. Сила Запада - в силе развитых способов публичного ограничения претензий и притязаний

* © Хазиева Г.Р.

ний власти, властных структур.

На фоне сказанного отчетливей и больней проступает вся сложность наших обстоятельств, допускающих хаос разворотов на 180 градусов судьбоносных действий с тлетворной некомпенсированной мобилизацией.

Разумеется, и Запад плодит мифы. Мифы техницизма, либерализма, консьюмеризма - сугубо западные, однако локализованные в мысли. Подобно Маринетти, можно развертывать новую религию энергии и скорости: «Мы стоим на обрыве столетий... Так чего же ради оглядываться назад? Ведь мы вот-вот прорубим окно прямо в таинственный мир невозможного! Нет теперь ни Времени, ни Пространства. Мы живем уже в вечности...» [4, 161], – но тем самым не подрывать жизнь. На Западе жизнесфера сохраняет сравнительную автономность, устойчивость относительно политосферы; здесь есть надежный заслон экспансии политики в жизнь в виде амортизаторов, процедур, институций. В России каких бы то ни было инструментов предотвращения или, по крайней мере, ослабления политической экспансии не выработано.

Взять разбазаривание геополитических активов, народного достояния, земель. О продаже Аляски с Алеутами знали трое. Брестский мир заключался кулуарно. В порыве сомнительного благодушия Хрущев допустил отторжение Крыма. В приступе угодничества и раболепства Горбачев сдал район ответственности в Охотском море. Вопреки народной воле состоялся Беловежский сговор. Ельцин расстался с зоной влияния в Центральной и Восточной Европе. Путин передал Китаю острова на Амуре... Перечень такого рода стратегических неудач, державных просчетов, провалов лишь оттеняет истинные, универсальные потребности народа в защите от действий близоруких временщиков, узколобых агентов власти. Далеко не мудро и не мужественно лишать страну, лишать народы России, нацию веками копимого богатства.

Западная власть контрактационна, вторична, производна от интересов лиц, народов. Российская власть самостийна, первична, непродушна от интересов ни лиц, ни народов. К примеру, в России конъюнктурно возможно победивших ущемлять в пользу побежденных. Вспомнить те же поставки хлеба из послевоенного СССР в Германию, с возмущением оцениваемые отечественными голодающими селянами. Впрочем, список несходств и гражданских отличий западных и российских реалий может быть продолжен. Почти до бесконечности!

На Западе общее место – социальный протест, принимающий форму легально-легитимного заявления и проведения частных взглядов. В России любой несанкционированный свыше персональный, выражающий частные взгляды протест приобретает форму борьбы с государством, незамедлительно раскручивающим маховик адской карательной машины. Неукладывающиеся в социумы свифтовских струльдбругов, осмеливающиеся выступать от самих себя здесь репрессировываются. «Огромный ноготь раздавливает нас, как клопов, – записывает в дневнике А.Белый. – С наслаждением щелкая нашими жизнями. Только в подлом, тупом бессмыслии» текущих «дней кто-то (власть! – авт.), превратив «соль земли» (человека! – авт.) в клопов, защелкал нами: щелк, щелк ... Щелкают револьверы, разрываются сердца, вешаются, просто захиревают от перманентных гонений и попреков. И мое сердце, мужественно колотившееся, ослабевает. Не могу, не могу вынести тупого бессмыслия ...» «Тупое бессмыслие» воистину невыносимо. Остается «держатъ кукиш у кармане», – как говорил Булгаков, – производить «подкусывание предстоятельной власти под одеялом».

На Западе - правооформленная, правооснащенная жизнь. В России жизнь поднадзорная, отданная на откуп то самодовольному, то мстительному великодушию. Драма и сильнее: трагедия нашей жизни в том, что устраивается она не по закону. Запад давно и безусловно принял для себя принцип *dura lex, sed lex*. Россия сплошь да рядом (вплоть до сего дня, ибо - как иначе квалифицировать возню с «преемником»?) уповает на мессию. Замахивать розги в расколе для всех и возбуждать избранных для нее – элемент национального духа, черта менталитета, самоуслаждение. Проявилось оно, на удивление, и у столь острых, передовых умов, как Пушкин: «Должен быть человек, стоящий выше всего, выше даже закона» (А собственно, зачем?); и Сперанский: самодержавие имеет «прямое направление к свободе» [6, 160]. Удержаться от неизъяснимой приятности прежизненного возвеличения, душевно не конформировать смогла в нашей истории едва не одна Екатерина. На предложение комиссии принять титул Великой, премудрой матери отечества она ответила маршалу запиской: «Я им велела сделать Российской империи законы, а они делают апологии моим качествам».

На Западе есть свобода индивидуального выбора. В России – принуждение директивы. Та же заезженная тема партии. На Западе членство в партии прерогатива частного решения, никаких социальных привилегий, благ не дающего. В России членство в партии – прерогатива коллегиального решения со шлейфом пребенд и санкций. Ранее удостаивали чести (?!) принимать в КПСС, сейчас – в «Едро», объявляемое единственно патриотичной, выражающей интересы народа организацией. Пора отъединить политику от партийной деятельности. *Политика как универсально социальный институт* налаживания интеракции обслуживает интересы всех, а не частичные интересы время от времени возникающих всезнающих, всеумеющих сердобольных структур, как оказывается, ведущих нас (народ) от победы к победе, то в лице КПСС, то ее номенклатурных филиалов. Словом, миновать края отчаяния невозможно без парирования насилия, начинающегося с узурпации какой-то партией политической сферы.

На Западе – проникающий механизм формализации харизмы; никакой вождизм (в силу закрепленной законодательно и традиционно самоценности лица), культ личности тут невозможен. В России роль лица-носителя власти определяющая; здоровых ограничений возвеличения индивидов, деперсонализации полномочий не выработано. Политическая деятельность у нас не институциональна (в силу подмены функционального понятия «служба» пастырским святоотеческим понятием «благодетель»), а патриархальна.

Итак, то, чего, в сопоставлении с Западом, не хватает России для величайшей работы мира и созидания жизненного могущества, – имеет прозрачную тематизацию. Волонтарные мобилизации, нелегитимные интервенции, импульсивные импровизации безнарядной власти в национальную жизнь подтачивают органику социотворчества. Общеизвестно: не устоит царство, разделенное внутри себя. Великая неразрешимость и драма наших устоев состоит в перманентном устойчивом и неплодотворном разделении внутри себя царства отечественного с расстраиванием преемства дела поколений, противопоставлением и общественных слоев, и индивидов.

«Хорошим является то государство, которое направлено на достижение общего блага» [7, 1962], – делает вывод Бартоло Сассоферрато. Излишне подчеркивать, что на достижение «общего блага» наше государство направлено

никогда не было. Скорее всего, последнее обуславливало популярность противопоставления в России Родины правительству: любовь к одному в отечественной культуре никогда не совпадала с любовью к другому.

Не частный недостаток, а симптом общего недуга заключается в социальном неудобье существования, свидетельство чему – поруганность надежд, измученность жизнью, затравленность, забитость, ограбленность бытия нашего. От крестьян до декабристов, от интеллектуалов до диссидентов граждански инициативным лицам, не исповедующим кредо «как бы чего не вышло», в России тесно, душно, едва выносимо.

Обращает внимание и неустойчивость институтов к политическим потрясениям; и замена отсутствия права насильем, наскоком (то произволом начальства, то «дисциплиной»); и культивация гражданской патриархальности – патронажности, клиентельности отношений, социального иждивенчества; и простор сервиллизма (на что тонкий, трезвый ум – Герцен – и тот допускал досадное: «народам легче выносить насильственное бремя рабства, чем дар лишней свободы» [2, 340] – «лишней» свободы народов не бывает); и корпорация (то помещиков, то партсоставива, то олигархов); и неимение (в итоге бессистемных «перестроек») институциональных форм общности; и тяга к абсолютному, категоричному, невниманию к «профаническому», обыденному (Франк).

Общественный прогресс, по Михайловскому, выражается индикаторами: а) уменьшение разнородности общества; б) усиление разнородности его членов. В отечестве – с точностью до наоборот: а) увеличение разнородности общества – скверные децили и квинтили, отображающие опасную поляризацию популяции на олигархов и маргиналов с неизбежной деградацией партий; б) ослабление разнородности его членов – ущербная деиндивидуализация, деперсонализация, нивелирование «человеческого материала». Быть может, по этой причине в цивилизационистике констатируется «потенциальность, невыраженность, неактуализированность сил русского народа» [1, 6-7]. Да как и где их выразить, в чем актуализировать?!

На Западе отрабатывается культурный вариант (демократия, право, гражданский консенсус) обихожения социального пространства. На Востоке отрабатывается дисциплинарный вариант (деспотия, традиция, сервиллизм) обихожения социального пространства. Более или менее понятно, цельно, системно. В России социальный рельеф разорван, бесстилен: здесь то «руки не доходят», то «взять нечем».

Московская эра тяготеет к Востоку, петербургская эпоха - к Западу. У нас не то чтобы механическое копирование («механический мимес» – Тойнби) строя жизни соседей, но в некотором смысле *плагиаторский тип истории* – крен то в сторону царства («святой царь»), то - земства («святой мир»). Горечь со вкусом правды заключается в том, что мы учим собой, перекрывая меру исторической, цивилизационной, гражданской вместимости. Управа благочиния же - в понимании: надлежит быть самими собой; довольно культивировать и западные, и восточные порядки на не подходящей для того почве.

«Войдите, и тут есть боги», – говорил Гераклит. Нечто подобное о себе обязаны сказать и мы. Наша интеграция в мир-систему определяется не прививкой заимствований, не забвением корней (наша порочная способность «пить из черепа отца»), не усвоением трафаретов, а выработкой оригинального пути с опорой на общецивилизационные завоевания и национальные опосредования.

Отчаяние приводит к творчеству. Наше почти отчаянное положение тре-

бует выработки системы выверенных незаемных ходов, нацеленных на купирование производства антиблаг, обмена антиценностями. В самом определенном, точном смысле надлежит:

– прекратить разбазаривание уникального природного потенциала (дискредитация R-экономики);

– осуществить фронтальный поворот к человеку в смысле и гуманитарном (не загонять личность в толпу), и гражданском (не толковать народ как проинтегрированное большинство);

– добиться кумулятивности (неизодромности) державной эволюции (независимость государственности, популяционной общности от политических трансформаций и пертурбаций);

– расширить социальную базу власти (пока идет ее сужение за счет наместничества, олигархизации), укрепить связь ее субъектов с территориями (партийная система – отжившая организационная форма; партийное представительство по номенклатурным спискам не является народным; пора осуществить движение к депутатству не от партий, а от мест);

– всемерно ограничить этатизм, дирижизм. С позиций обывателя, воспроизводящего собственное существование в «профаническом» локале просточеловека, государство есть «зло, причиняемое людям людьми» (Мизес). Говоря о деэтатизации мы говорим не об «отмене» государства, а об отказе от веры в решающую роль государственного насилия в социально-политическом опыте. Безгосударственное состояние допускали «научный» социализм и анархизм. С той разницей, что один отодвигал его наступление на бесклассовую фазу, а другой предполагал непосредственное его введение. И то, и другое оказалось фикцией. Итак, речь не о пелене фантазии, а об эффективизации разделения властей, дроблении полномочий, оптимизации представительства (в настоящий момент народное представительство в политике эфемерно), укреплении связи «депутат - избиратель» (сейчас от избирателя у нас вообще ничего не зависит), – о тех инструментах, которые препятствуют сращению власти с собственностью, оформлению непотистского, административного корпоративизма, элитного фамилизмизма;

– искоренить бюрократический репрессивный абсолютизм (простор гражданского самовыражения, волеизъявления, вовлечения, участия). Не существует либеральной политики, существует лишь либеральная критика политики (Шмитт). С позиций последней, «гражданин не должен быть ограничен в своих действиях настолько, что, если он думает не так, как те, кто находится у власти, у него оставался единственный выбор – либо погибнуть, либо разрушить государственный механизм» [5, 60]. Уделом подданных не может быть страх, раболепие, льстивое подхалимство, а уделом господ - фарисейское лицемерие, чванство, самонадеянность, предрасполагающие к репрессии. Репрессия – признак неспособности власти использовать лучшие средства управления, как то: интеллект, культуру, убеждение;

– ликвидировать элитарность политической деятельности, управления обществом. Социально-политический менеджмент – не привилегия какой-то группы (днепропетровской ли, свердловской ли, питерской), а институциональная деятельность по обслуживанию интересов масс;

– окончательно дисквалифицировать волюнтарно-силовые нажимы, наскоки как фигуры политических технологий. Беды России от близоруких интервенций власти в народную жизнь, простирающихся вплоть до развала пов-

седневности. Дилемма «прогрессизм-косность», оправдывающая наступление «прогрессивного» элитного «авангарда» на «консервативный» народ, должна быть, наконец, снята. «Элита» в макросоциологическом смысле – чиновный, частичный, функциональный (и функционерный) слой, находящийся в услужении у народа (и никак иначе);

– перейти на правооформленность организации жизни. Хороша не жизнь вообще, а жизнь гарантийная. Правонеоформленность, правонеобусловленность деятельности в подходе к жизни чревата лишением ее гарантийности. Тому же неполноценному президенту СССР, санкционировавшему развал Ялтинско-Постдамской системы, бездоговорно «обещали» не расширять НАТО. Не обусловленная правом акция оказалась безответственной. Из обещавших иных уж нет, а те далече. Спросить не с кого. Крушение надежд – самый болезненный опыт, подводящий к морали: следует строить жизнь по гарантийным законам, а не по персональным правилам и тем более необязывающим «понятиям»;

– реабилитировать гражданскую инициативу. Просвещенное общество живет по самоорганизации, отечественное (отеческое) общество – по воле-организации. У истоков самоуправления в Европе – Магдебургское право. У нас каких-то аналогов ему как не было, так и нет. В качестве досадного следствия – подрыв здоровой инициативы, энтузиазма, самообустройства снизу. Российский народ привык к ордонансам, в идеале заменяемым независимым от партийно-политических установок (а значит, более трезвым) коллективно самоответственным поведением. Мобилизация и интервенция – наши враги. Уравновешение нечувствительных к запросам жизни центрально-административных вертикалей достигается прогрессом дееспособных местных горизонталей. Местная власть должна стать инструментом областничества, а не вотчины наместничества (базой содержания ставленников-кормленников). На вопрос, что предпринять при получении ярлыка на управление провинцией, Конфуций ответил: следить «за тем, чтобы все соответствовало своему названию». Иными словами – в державном движении от центра к окраинам не допускать девальвации полномочий. Некий положительный опыт раскрепощения местной власти давала губернская реформа середины 70-х гг. XVIII в., согласно которой органы самоуправления наделялись компетенцией решения региональных вопросов (выдача ссуд, развитие инфраструктуры и т.д., для чего им оставлялось до 1/3 доходов; ранее - 5% доходов). Екатерининская губернская реформа разгружала центр, снимала с него бремя мелочной неэффективной опеки мероприятий периферийной власти. Величие России будет прирастать не Сибирью (не только Сибирью!), но культурой, в частности, культурой гражданской самоорганизации.

Германия брала реванш после Версаля, ставя на силу. Россия должна взять реванш после поражения в холодной войне (превращенной элитой – либерально-демократическим квислингианством – в гражданскую), ставя не на силу, а на внутреннее преображение. Стержень такового – каскад эффективных трансформаций (без нажимов, наскоков), предусматривающих:

– придание самодостаточности *Lebenswelt* – ареалу самореализации «молчаливого большинства», рядового вершителя истории «профанического» просточеловека (локализация политико-государственных инициатив в институтах);

– прогресс реального сектора экономики;

– крестьянскую реформу: крестьянству, за счет которого провели индуст-

риализацию, на постиндустриальной стадии требуется вернуть долги; будущее России в налаживании гарантийного сельского хозяйства, подъема деревни. Россия – крестьянская страна – еще не познала довольства крестьянской, и, следовательно, национальной жизни.

Воплотив намеченное, страна, народ, люди, как представляется, способны выйти из порочного круга «вечного возвращения», когда разворачиваемые нововведения достигают прямо противоположного.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Мысль, 1991. – 205 с.
2. Герцен А.И. Сочинения. – М.: Художественная литература, 1986. - Т. 8. – 688 с.
3. Иов. 34, 25. / Библия. Ветхий Завет: Книга Иова.
4. Маринетти Ф.Т. Первый Манифест футуризма // Называть вещи своими именами. – М.: Прогресс, 1986. – 637 с.
5. Мизес Л. Либерализм. – М.: Социум, 2001. – 239 с.
6. Сперанский М.М. Проекты и записки. – М.-Л.: АН СССР, 1961. – 244 с.
7. Bartolus de Saxoferrato. Opera omnia. – Lyon, IX. 1567. – 2032 p.